

С М Е Н А

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

20
1943

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРАВДА“

ХУДОЖНИК У ПАРТИЗАН

Ленинградский художник Валентин Курдов несколько месяцев провёл в партизанском отряде, куда был направлен в командармской Советом советских художников. Боечную деятельность народных мастеров, их быт художник запечатлел в серии набросков, зарисовок, эскизов. По этим материалам В. И. Курдов выполнил ряд аутопортретов.

Рассказ художника о днях, проведённых у партизан, и некоторые из его работ мы здесь печатаем.

Несколько месяцев провёл и среди партизан. Жил вместе с землями, которых народ спасаленно называет народными истителинами, и увидел великое душевное благородство, моральную силу каждого из них. Люди эти бесстрашны, когда имеют дело с врагом. Они заботливы, чутки, душевно мягки с друзьями.

Я никогда не забуду встречи с молодой колхозницей Машей. Перед самой войной она приехала в город, поступила на завод,

стала работать, учиться... Но началась война, и она забралась в леса, в бомбы, в деревни. Маша получила страшную весть: отец, мать — вся семья попала в руки гитлеровцев. Потом враг сжёг завод. И вот Маша в лесу — решительная, смелая партизанка!

Таковы и железнодорожники рабочий Пётр, и комсомолец Анатолий, сделавший из пытавшегося махнуть двинулся, и сотни других отважных партизан.

Как художник, я восторгался великолепными типажами, как гражданами, я не мог не преклоняться перед силой духа моих новых товариществ. Я постарался запечатлеть партизан такими, какими увидел их на суревом фоне лесного пейзажа. Такими и показывают в фильмах.

Вот что изображено на аутопортретах. Тяжёлым камнем лежит на сердце горечь разлуки с другом. Товарищи из отряда опускают в могильу тело погибшего партизана «За твою смерть каждый из нас будет беспощадно мстить врагу» (рисунок внизу).

...Страшен враг партизанский лес. За каждым кустом, деревом, каждой подстерегает фашиста спрятавшая русскую пушку. Кровь за кровь! С этой мыслью партизан вышел за ссаду (рисунок слева сверху).

...Как дрожит, как трясётся за свою шкуру немец, когда он попадает в руки партизан. И вот он глядит (рисунок в руки центре).

В. Курдов

С М Е Н А

№ 20

Октябрь
1943

*Литературно-художественный и общественно-политический журнал
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ*

Евгений Кригер

У СТЕН ДРЕВНЕГО КИЕВА

Октябрь на орлиных крыльях победы простирается над Днепром и опустился на холмы древнего Киева. В осенних туманах, в дыму забрезжило утро красным светом знамёй. Чёрноземная немецкая почта скользнула, последними ключами ей взметнулись члены и личный пехотинцы и рассеялись изавсегда. Нет больше лице в Киеве немецкое. Быстро же руины из Труханового острова, в Лынках, где город венчал на природных холмах самые прекрасные из узань его, дворны в земляных садах, гравий и кирпич в золоте осени — одно из чудес мира. Молодые, сильные, суровые ссыпывают с домов иеннистые, чуждые городау имена: «Эхзигорштрасе», «Д-р Толтилтрассе», «Риттер дер Шобертилтрассе», «Бисмарктрассе». Всмажныи плачкий немецкий орёл растерзан и покинул стены киевских зданий. Дети, в последнюю ночь спасённые из-под обломков немецких фаэльщиков, показывают миниатюры, где еще сохранился киевский фонарный столб, где признаки немецкой смерти — немецкие кресты. Из тайных пещер на Подоле, где скрывались смельчаки народные, где радиоприёмник ловил слова Москвы, где начатались на тонкой бумаге сводки Информбюро — оружие против немецкой арки, — выходят лесить раны Киева его верные сыны.

Они пришли, как немецкая месть, обрушиваясь на город, на самое сердце, на самую кровь улиц нашей страны. Стынут тела убитых людей в подвалах Михайлова собора, вспыхивает Киевский университет, память над городской публичной библиотекой, над взорванными накхами заводов «Вольшевина» и «Металлург», над электростанциями видно далеко за Днепром. Немецких фаэльщиков всем здесь было обдумано: народ изгнан из центра, улицы опутаны проволокой, дома обраганы, двери и окна изъедены измученными жителями вывезено на автомобилей. Но фаэльщики не успели взвратить свой чёрное дело. Под стремительным ударом советских частей они бежали из города, они не успели склонить и взорвать Киев — один из самых сильнейших городов мира.

Раны великого города взывают к мщения. Память народа — этого гнева с высоких днепровских холмов поднимается над

ниной страной и Европой, над землёй всего человечества. Этот отпор пробьется вперед, таинственность в далёкое будущее, и святые неголовы людей 1943 года в этом мире будут терзать совесть немцев, никогда не изгладит их в памяти земли и народов.

Память великого гения освещена путем пыток воистину. За ними гонится, из преследует гнев извиденной сны, месть, не знающие пощады, скорбь, ставшая мужеством, доблестью.

Много невинных, честных людей погибло в Киеве в дни окончания войны. Их убили немцы, хотели казнить силу и молодость Советской страны. Эти юные юноши, которых овациями встречали все города, их схватывали за волосы, им подливали на стадионах Франции, — игроки футбольных команд киевского «Динамо». Долгое время они скрывались от немцев. Но немцы нашли их. Команду загнали в подвалы гостиницы Юноши расстреляли. Киев из улицы в улицу, из предместья в предместье повторял последние слова Трусевича — своего криатрия: «Красный спорт победит!» Да здравствует Сталин!

Киев помнит зловещие, угрожающие овраги Бабьего Яра, где были расстреляны немцами евреи города Киева, где земля пропитана кровью. Немцы, болея расплаты за свои злодействия, закрыли доступ на эту окраину, спустили её проволокой, расставили часовых, чтобы ни одна живая душа не видела следа преступления и земля поглотила, скрыла на веки тела убиенных, покинувших мир. У входа в этот район их трусливой рукой повешена деревянная доска с надписью: «Подпольное хозяйство». Изыскательский смысл этой надписи Киев знает.

Память древнего Киева пишет над фронтом. Фронт проносит его отблески на красных знамёнах до границ Германии, до последнего куска земли, где укроется Гитлер, и здесь скорбный огонь древнего города станет жечь чёрное сердце трусов и убийц, раскалённой меткой позора запечатлется на них изнемог абу его, и немцы ужаснутся тому, что сделано ими руками на земле России и Украины.

П. Шубин

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только до той вон киньи
Полмига, полшага прожить;
Прижаться к земле

И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.
Мне б только
Вот эту гранату
Злорадно поставив на взвод.

Всадить ей,
Врезать как надо
В четыреждак проклятый дзот;
Чтоб стало в нём пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет прожну!

«Дорогой лядик! Я не пишу тебе письма, потому что кончил читать у меня все «отлично» и только «хорошо» по русскому письменному — из-за каких-то твоих не присыпал. Мы его читали вслух на уроке, и все отвечали на вопросы. Тёти Поля пригласили пирожное, она зовёт меня к себе жить. Мария Степановна ведала об этом спросить тебя. Напиши, лядик! Мне с тобой две сироточки. Копта с тобой потушат огонь, а я тебе всегда думала».

Сержант Иван Максимович Голубенко прочитал это, написанное крупными печатными буквами, и смеясь до конца, где прокричал было «хорошо», вырвавши из конфетной коробки. И тут же стояло: «Твоя племянница Оля».

Но племянницы Оли у сержанта Голубенко не было. Письмо это было адресовано не ему, а бабушке Ивану Борисовичу Борбекину, убитому месяц назад. Когда командир отделения сержант Голубенко подполз к нему, Борбекин был уже мертв. Голова была оторвана, и ветером при свете костровых фонарей она насквозь пробита. Но не запечатанное письмо к Оле — племяннице Ивана Борисовича. Этот угрюмого вида пожилой человек, бесподобным в бою с врагами, бережно хранил письмо своей однажды единственной племянницы — круглой спроты, — которая жила у него близко и у него никого не было.

И сестра Дядя Ваня, «племянница воинственно-правимущая», он зацепил письмо и отправил ей Оле И., через шесть дней и роту прибыла ответ. Оля писала своему дяде, который был похоронен на земле, им отбиваний...

Так началась у сержанта Голубенко двойная жизнь. У него была жена и трое детей; вместе с колхозом были они заселены в Казахстан. Его родные дети бывали в макетах, честно сидя в них, двух лет. Жена переписывалась с любовником: «Писта у нас отбрасывает король, и теперь опять всё слеза горю. Все мы цеаем и обнимаем тебя». Но в городе Горьком жила Оля, у которой не было никого, кроме её дяди Вани, а дяди Ваня тоже не было. Её письма получал Иван Максимович Голубенко, и он стал печатными буквами, такими же, какими писала Ивана Борисовна, ответственная Оля.

В каждом письме Оля жадно расспра-

Юрий Либединский

шивала о том, как воют дядя, и сержант Голубенко сам не знал, что может так увлекательно описать бой. Всё шло хорошо, и вдруг в письме появился дядя Поль. Как тут быть? В документах погибшего Поля не было. У сержанта было слово тёти Поля, но он ничего не мог о ней сказать. Впрочем, зачем предполагать, что все тёти Поля должны быть на один манер?

В приказе по батальону сержант Голубенко дважды был отмечен как находчивый и изобретательный командир. У него был свой способ разминировать минные поля, свой способ вводить в заблуждение вражескую артиллерию при атаке, но в случае с Олей обычные находчивость и изобретательность не помогали сержанту. Он понимал и то и это, почтывал, что занутся, махнул рукой и решил идти напрямки.

«Дорогая детка Оленька! — писала она. — Я сообщаю вам пацхое: дядя вас боит Иван Борискин погиб смертью храбрых. Это было в мае прошлого года, и все те письма, которые вы получали от дяди Голубенко, потому что я очень вас похвастал Оленька, я старалась написать вам про смерть вашего дяди. Я рассчитывала, что буду писать от имени Ивана Борисовича до самого конца войны, а потом сам приду к вам и буду радостно растя в майской солнечности письмо папочки Борбекина». Мелитопольского района. У нас сдала боевые: блоки, груши, персики, абрикосы, дыни. Вы будете растя с моими родными сынымы и забудите ваше спротство. Но когда вы спросите насчёт тёти Поля, я чую, что у меня не сошёл. Как я могу советовать? Я ведь не знаю, хорошая или плохая эта тёти. У меня самого, например, была тётя Поля, так и даже сейчас, на войне, когда она мие приснится, кричу от страха. И вот

я сознаюсь в своем обмане и прошу зас. Оленька, считайте пожреком, что у вас есть дядя, который вас любит как родную дочь, но это ложь. После войны все звались Иваном. Кстати, и зовут меня тоже Иваном».

Едва успел сержант запечатать письмо, как был послан на разведку.

Вернулся он через двое суток. Обгорелый и обсущий, вымытый и побрился в управлении конца своего письма. «Дядя Ваня» — называл он себя. Да как посмел он? Конечно, он-то приымкнул к дядечке, и ведь для неё же он чужой, незнакомый человек, и как он ей сможет показать на его достоинство. Ответа от Оли не было. Написав разве это Марии Степановне и спросив о здоровье девочек? А вдруг Оля обидится?

Обладая довольно живым воображением, сержант представляла себе сотни неприятных возможностей. Но одна была для него страшнее всего: Оля перемоглась... — он, Иван Максимович Голубенко, перешла под чью-то юбку и получила глуповатого сержанта, привязанного к этой юбке, и это было из-за неё только по бледной фотографии: её носила он теперь в том заветном карманчике, где хранились фотографии его кровных родных.

— Чего же наш сержант засунул? Даже чуб у него перестал занимать — пошутить, — сказал капитан Милашко, но исправленно-партизанские были строго оправданы к порядку.

И наконец обратил прищеп:

«Дорогой лядя, Иван Максимович! Моя тётя Поля очень хороша и добрая, но только у неё четверо сестёр, и дядя не хотел чтобы я у них жила. «Не хочу, чтоб из тебя стала инька», — говорил он. А я не хотела, чтоб из меня инька, и когда наступит победа, я поеду в замок. Если у вас есть альбом фотографии ваших детей и мамы («мама» было зачеркнуто и написано другой, зверской рукой «вашей супруги»), то пришлите их». Бойцы, собравшиеся около разрушенной, пылающей избы, окружили батальоном, и капитан Милашко, сидевший на полу, как он выяснился, физиономистом, учившим письма. И вдруг услыхали отчий, залыхавшийся слезами, визг. Они оглушились: долговязый сержант Голубенко, размазывая письмом, стяжался трепанка; брызги весенней воды летели из-под его сапог, серебром и радугой сверкали на солнце.

Возрождение Краснодона

Донецкий угольный бассейн начал восстанавливаться под ногами рабочей кавалерии. Еще город и города и посёлки, волнистые ступенчатыми немецкими ощепами были на окраинах Сталкино и Макеевки, в шахтёров уже настаскали шпалы железнодорожных подъездных путей на пришахтных участках, поднимали поваленные колпры, собирали части взорванных фашистами лебедок. Их и голые, и покосившиеся от времени, и синие из них боломы «энергетики» обегрелись из пламени «мессингитов», но непреодолимое стремление к работе было сильнее страха за жизнь, и очень немногие предпочитали надежную крышу семяликам спасению неба Донбасса.

Я никогда не забуду первых дней возрождения Краснодона, когда мужчины вспоминали о прошлом, о том времени, когда им за пять календарей на своих снимках запомнили суровые лица женщин, оставивших на пожаренных домах маленьких детей и спасавших их на помощь мужьям. Из гулубых разрушенных шахт вылезали парни и девушки, прятавшие под землёй от немцев свою молодость. Они шли туда, где были их матери и отцы.

Несколько лет спустя — от 70-летних стариков до 12-летних ребят — выходили на строительство шахт, железнодорожных ветвей и пропадали за работой утром, день, вечер, а иногда и ночь. Никто не требовал от донецких мужчин и женщин такого напряжения сил.

«Под донецкой землей проходит вторая линия фронта», — так говорили шахтёры, когда гротах боёв ещё только приближался к Донбассу. Этот лозунг остался в силах.

Донбасс снова свободен. Но это уже не тот Донбасс, который мы знали до войны, — с его дворянскими кульмами и блестящими изумрудными горами, с зелёными, обрывистыми электрическими заревом, с густой сетью асфальтированных дорог. Немцы лишили городства всемёгущей кочетки.

В шахтах

До войны Донбасс славился среди угольных бассейнов земного шара самой высокой механизацией угледобычи. Выемка угля была механизирована здесь на 94,6%, доставка — на 94,5%, откатка — на 77,3% и подготовка в железнодорожные вагоны — на 88,3%.

1430 рудничных электровозов тянули за собой 131 тысячу угольных вагонеток, нагружавших первоначально углем, добтым при помощи 3160 врубовых машин. Почти всю тяже-

Люди и планы

Нынешнее количество угледобычи Донбасса может показаться невероятным на фоне достигшей его страшной катастрофы. Вот первые итоги работы трёх трестов — «Сергоуголь», «Кирзовуголь» и «Бирюкоголь»: за первую половину октября они выдали 2357 тонн угля сверх программы. Эти тресты ежедневно перевыполняют свои производственные задания.

Примитивные орудия горнистого производства могут в умелых руках в десятки и сотни раз увеличить производительность труда. Первым это доказал молодой бородатый угольщик Иван Панаша-

но они сами не хотели ждать ни минуты. Они же хотели и не хотели ждать высадки на узких и братских могилах в шахте №4-бис «Кляминская». В Сталкино и Моргулье, в Славянске и Краматорске, Константиновке и Дружковке, в Волновахе и Иловайске — во всём Донбассе испытывали к врачу поднимала на ноги людей.

«Вторая линия фронта»

Шахтёры шахты «Бабик» Ильичевского шахтоуправления, в Калиновском районе, открыли первую из восстановленных аварийных лавы за долгий период с конца. Шахта «Борисоглебская» была слана в эксплуатацию на недоработанные, чем полагают, участки. По-стахановски она восстановлена и участок «Никополь» на шахте имени Сталина, той самой, откуда нескошко лет назад пошла по всему миру весть о рекорде Алексея Стаханова.

Лучшую работу в шахте выполняли механизмы, а члены линии управляла ими.

Это было подлинное торжество техники!

Немцы взорвали электровозы и подземные механизмы, уничтожили и затопили в шахтах врубовые машины. Учёные, помогающие восстанавливать Донбасс, подсчитали, что в шахтах, затопленных во время войны, количество воды достигает примерно 300 миллионов кубических метров. Чтобы извлечь воду из шахт, потребуются мощные насосы. Для пуска крупных шахт необходимо горное оборудование, но заводы, производившие это оборудование, разрушены до основания.

Вы наверно спросите: когда же Донбасс может выйти из-под первых тонн угля? Он уже выдаёт его, и выдаёт давно, почти с первых дней освобождения от немецких оккупантов.

Ни врубовых машин, ни электровозов не стали ждать донецкие шахтёры. Они вырвались изобумом — этим простейшим орудием производства, которое в последние годы перед войной можно было встретить разве только в музее. — и пошли в мелкие шахты. Они собрали из разрозненных частей первые врубовые машины.

И всё же уголь идёт на гора.

тенко, выполняющий от 300 до 1000 процентов нормы. Планаметчик, награждён орденом Ленина, и его одноклассники равнодушно воспринимают комсомольские.

Стахановцы Ильичевского шахтоуправления забойщик Байракчый, вагонщик Аносов и подгребщик Кузменов уже вызывают за смену на горе 35 тонн угля — 580 процентов нормы. Старые шахтёры обучают молодых вадзет спуску, крепить штыки.

Сейчас, когда при помощи стахановцев на многих шахтах все зевы подземного и наземного хозяйства достигли одного уровня высокой производительности, уголь пошёл сверх плана в огромном количестве. Одним только Калининский каменноугольный район два к 26-й годовщине Октября сверх программы 5 тысяч тонн.

Уголь идёт!

Отвечаю на призыв шахтёров Подольского угольного бассейна, трудающиеся Донбасса делают всё возможное, чтобы фронт и тыл Советской страны были полностью обеспечены углем. Тылье — это Нальбино 50 молодёжных бригад треста «Краснодонуголь», отправляемая в подпольную столицу Украины — Харькову — эшелон углю, добываемого в сверхурочное время.

Тяжёлый труд молодых девушек и юношей Донбасса. Большую часть суток проводят они в забое. Не устремлен пока ещё и быт молодёжи. Но молодые донбассовцы отлично сознают, что эти лишения преходящие, что придёт время, когда Донецкий бассейн вновь превратится в крупнейший центр угольной промышленности. Глубокая вера в это близкое будущее придаёт силы нам, кто строит новый Донбасс на развалинах шахт, уничтоженных фашистским зверьём.

томах оренбургских степей на заводе горилось много.

История оренбургского казачества, неизменно связанный с кочевьем, с кавалерийской атакой, с передвижением по огромным пространствам, выражена в представлениях оружия, самим конем, самим быстрым и самым поэтическим средством передвижения. Появление автомобилей, быстрое насыщение машинами оренбургских степей не изменили этого представления. Старая любовь к лошади сохранилась.

— Ах, — крило! — запомнилось Ванине увиденное от одного из рабочих завода выражение лица.

— Конь должен быть, как ветер, — говорил другой.

Но в разговорах о том, как обращаться с конём, всегда сквозило недоверие к покорности этого животного, которое так давно считается домашним. Всем на заводе было ясно, что конь — это «наш казак на дороге мурзата конекую голову» — первым делом измазала её.

«Как взмынать «Сатанына», — задавал себе вопрос Вания, — строгость или ласков?

Боже тебя сохрани не только замахнуться на «Сатанына», но даже грубо кинуть на него, — предупредил Бударкин директор.

И старые конюхи говорили то же самое: «Сатанына» обиды не забывает и не прощает. Шаповал всегда с ним лаской обходился: «Холя, жеребчик, холя, холя...»

На следующий день Вания сделал первую попытку надеть на «Сатанына» подуздок. Несколько конюхов и бригадир стояли на готове с палётками, чтобы спасти товари-

борьбы. С того дня Вания стал всё больше привыкать к необычной для него жизни.

Ему всё больше нравились ощущения ходьбы опасности, пребывания по степи. Порой он даже мечтал, что он король, привезённый двумя цепными повозками к решётке. Лошадь не могла повернуть голову ни вправо, ни влево и вёл-таки дергалася ёю во все стороны и обнажала свои белые с жёлтыми бородками зубы.

В это время морда «Сатанына», со вздыбленной гривой и наморщенной верхней губой, очень напоминала голову разъярённого льва.

Вания старался стоять так, чтобы «Сатанына» не могла его схватить, и наложила вёсну мыслами воинскими образами. Бударкин говорил себе: «Притормозим, чтобы мы наступали с фронта, и в это время ударили с фланга».

Поглядывая лоб своего противника и тем отталкивая его, Вания осторожно и быстро проводил щёткой по спине и бокам коня-дракона. Это было нечто вроде драматической стороны маневра. Он сшиб более или менее удаваси, пока щётка доходила до брюха. При малейшей попытке дальнейшего продвижения «Сатанына» оказывалось решительное сопротивление. В ход пускались и передние и задние ноги.

«Наступление захлебнулось», — говорил тогда Вания, но вскоре возобновил атаку.

Рядом, ударил всеми ногами с земли и тотчас же мгновенно как бы отдалась от неё. Сбитые с ног колпаки несколько секунд проволокались по земле, потом выплыли из рук.

Как ящерица, скользя по земле, скользил конь, которого Бания называла прямо в стель. В первое мгновение он, склонивший слишком прямко шею, сдавленный уздечкой, опять опустил несколько разных толчков и наконец уловил ритм скакчи. Вания подался вперёд, коротко, почти у самых узд, перехватил поводья, и кудлатый его иннер — назад, вперёд — называл скользящим скакчи.

Роский ветер, неистовый на ароматах полыни, шалфей, хлестал в лицо. Блеснула серебряной подковой ещё заполненный снегом озэр.

Стремление Вания было поглощено только одним: удержаться, не выпасть из седла.

Постепенно Бударкин сжался сабой, и тогда его мозг произнёс другая, гордая мысль: «Я скочу на «Сатанына»!

Необдуманную силу получила у него в себе, и вдруг яростное желание вот так помчаться на немцев, затоптать, искромсать их сжало Бударкина.

Рис. Н. Муратова

«Сатанына» ни минуты не оставалася спокойной.

Несколько раз жеребенок бросался на него. Вания, ласково окликав непокорного и погладивши ему лоб, снизу поднял недодуздок к морде. Он уже почувствовал прижимку, как «Сатанына» взмыкала на дыбы. Ванины руки были в это время на затылке утюнами. Пальцы сами собой сомкнулись. Вания, каким-то непостижимым способом образом проникнулся на землю. А сама жеребенок опустилась опять и скакала.

Не веря самому себе, что у него так ловко это получилось, Бударкин осмелился. Он заметил, что «Сатанына» не переносит прикосновения к своим ушам, но благословлено относится к поглавливанию лба.

«С него и начну чистка», — решил Вания. Целую неделю, впрочем, к подуздку, он пропускала через решётку, привязывала к ней и собираясь поднести руку со щёткой ко лбу спасённого одногорла. Тот бешено забрал головой и так натянул цепь, что согнула толстый прут. Недодуздок съехал на горло. Конь захрипел.

— Задушится! — закричала Салтыбасев, и Вания, забывши в всех страхах, бросился к коню, чтобы привести его в чувство.

Несколько позже на цепи. Разъярённый жеребенок, по-змеиному изогнув шею, вытянула голову и сдавила ухом своего спасителя за колено. Несколько пластик извивалась перед мордой «Сатанына». Вания за руку вытащил из денинки.

Однако вскоре он вернулся. Его начал захватывать неизвестный прежде азарт

и он рванулся в воздух воображаемой саблей.

Высокими холмами, где, по преданию, когда-то стояла лагерь Емельяна Пугачёва, вырос перед Ваниной.

«Вонючка» — в ужасе подумала он, зная, что даже на тренировочных, кавалерийских конях разрешается скакать без передышки не более четырёх километров.

Но ещё не скоро удалось ему сесть застыдившегося жеребенка. Наконец Вания перевёл его на шаг и поехал той же дорогой обратно. «Сатанына» повернула голову, искассила зевакину на заседнике. В этом взгляде не было ни злости, ни презрения: внимание пропало в нём Бударкин.

Таким чистымым никогда ешё не чувствовал себя Вания.

Когда Вания вернулся на усадьбу, домашние хозяйки донесли своих коров, или на руках привезли додрики, сладёры.

Вания направился к конюшне в объезд, чтобы проскакать мышью центральной мастерской. Возле ней уже позирались трактористы, и каждый из них, взглянув на молодого конюха, не мог оставаться равнодушным: все хорошо понимали, какого дьявола он обдувал. Напечатав Бударкину неслись восхищенные восклицания:

— Ну и орёл!

— Победа, говоришь!

(Окончание см. на стр. 15.)

Лондон-Нью-Йорк-Лондон

В пасмурное утро 17 ноября прошлого года наш пароход «Тайлан» отчалил от родной земли. Предстоила длинный и тяжелый путь к цели путешествия — Англии. Мы не проровесили северные широты, по ледяные ночи старательно обходя немецкие минные поля, и наконец через двадцать один день вступили в устье Темзы.

Невидимые ульи капитанов-направляемых Волту у Стамбула! Построили направо сплошная индустрия: фабричные трубы поднимаются высоко к небу, парохода движется мало, а сама Азия — волнистая, полыхающая краской, баков с бензином и нефтью. Построили налево — залывные поля, тихие фермы, мирно пасущиеся стада...

И вот уже и вправо с обеих берегов пальмут дома, квартали, элеваторы, заводы. Навстречу нам несутся бускирчики и пароходы с флагами различных наций.

— Погляди, — сказала стоявший возле меня на борту кинохронистка Халушинская, — это, очевидно, относится к нам.

Девушки в белых халатах буквально обсыпали окна какой-то фабрики. Девушки чистят краны и мащут руками. Ну конечно, они приветствуют «Тайлан» — советский корабль, пришедший в Лондон.

Юрьевичи искусно ввели наш пароход в широкое разрывающееся пространство «Сори коммерческих доков».

И первое, что бросилось нам в глаза, — это торчащие из воды у пирса трубы и мачты большого судна, погибшего при бомбёжке доков, а также обгоревшие развалины пакгаузов. Присмотревшись внимательнее к работающим грузчикам, я заметил, что основную массу их составляют копризинского возраста и пожилые люди.

Но надо сказать, что работают англичане великолепно. Не успела наша команда как следует закрепить причальные концы, как корабль уже напоминал собой муравейник. Ещё засновав людьми, выполнявшими за-

Советские кинооператоры в Нью-Йорке. На снимке (слева направо) — В. Микоша, Н. Лыткин, В. Соловьев и Р. Халушинская на фоне знаменитого небоскрёба «Эмпайр стейт билдинг».

ранее намеченнуую работу. Заскрипели лебёдки. Корабль со свободного борта облипало множество маленьких металлических барж, и не прошло и пятнадцати минут, как выгрузка привезённого нами леса и рулоша шла уже полным ходом.

Мы прожили в Лондоне декабрь и январь. И всегда, где только нам не приходило былье, будь то официальные бани или простые купания в метро, — я чувствовал себя коротким и желанным гостем. Не было отбор от друзейских приглашений в гости то в одну, то в другую английскую семью.

Ещё, бывало, в автобусе, и как только соседи узнавали, что ты русский, сразу начнут показывать тебе фотографии, расписывать о братстве, о жизни в Советском Союзе. В лондонских кино всё время показывали советскую кинохронику с фронтов Отечественной войны. Идёт она под чумазые английские мелодии, звонок.

Англичане поют «Жди меня» Симонова. Ноты этой песни можно купить в каждом магазине. Огромной популярностью пользуются в Англии стихи Маяковского. Их очень удачно пересет известный киноактер Гертберт Маршалл. Я слушал его чтение и был удивлён, с каким мастерством сумел Маршал передать силу, глубину и темперамент Маяковского.

Ненависть к Германии, совместная борьба против гитлеризма объединила русский и английский народы. Это становится особенно понятным когда слышишь, какие спущенные на волю в городах Англии.

Немало районов рабочих кварталов, порты, доки Ист-Энда, Сити сметены с лица земли. Улицы, окружавшие Кафедральный собор святого Павла, превращены в развалины, уничтожены земельная часть величайших памятников культуры, искусства и зодчества Лондона. Но все эти разрушения не смогли сломить мужество англичан.

Как-то вечером я смотрел в одном из кинотеатров фильм «Интермеццо». Был друг объявлен воздушной тревогой. Девушка с физруком сказала:

— Кто хочет, может уйти из зрительного зала.

Но никто не встал с места.

Тревога оказалась затяжной. Здание сотрясалось от разрывов бомб. Но публика покидала кинотеатр лишь тогда, когда проиграла киногонке, которую здесь обычно заканчивается сеанс.

Вместе с толпой я вышел на улицу. Всё небо было исполосовано прожекторами; то

там, то тут смигнули оглушительные звуки землетрясения.

Всю ночь грохотало, гудело, звякало. Бетоновые землетрясенные батареи монстров отчаянно встречали немецких «конкеров». И только утром город огласился торжественным и свободолюбивым, как жизнь, сигналом отбоя. Зад Лондоном встало солнце, и люди наскакивали покупками скаженные газеты. Из них и удачных результатов налёта.

Постепенно, многое рабочие кварталы Одиссея пришли в школу. Есть убитые и раненые. Уничтожено семнадцать вражеских самолётов.

В это воскресное утро Лондон показался мне удивительно красивым. В центре Трафальгар-сквера, у подножия статуи Нельсона, чьи забытые руки положили только что погибшую на землю красные и белые розы. По аллеям парка разлетались радостные скакушки проезжающих молодых англичанок. Здесь же меланхолично прогуливались вялые старички в цинтинах, дамы с корсетами вели в цепочках будуэтов, болонок, пуделей.

Совсем как мирное, старое время.

А рядом на большой поляне, женская военная комендантша, вспомнила возраст воздушного заграждения. Выстроив избыточную, она скрылась в уединении парка.

До войны все лондонские парки были обнесены массивными кутурными оградами. К концу их почти нет. Проходя по Кенсингтону, я заметила, как рабочие винтовыми молотом разбивали красную решётку. Один из них говорил другому:

«Поскорей бы эта тяжесть упала на голову Адольфа!»

Всё в Лондоне свидетельствовало об исключительном спокойствии и хладнокровии.

Дальнейший мой путь лежал в Америку.

Поздно вечером мы с кинооператором Амиткиным отбыли поездом из Лондона в маленький портовый городок, где нас уже ждал английский теплоход «Пасифик Трауд», на котором предстояло пересечь Атлантический океан. Это путешество началось с довольно комичного случая.

Извини и в Америку очевидно не любят цифры тридцать. Однажды, когда я, американец и англичанин, обсуждало привносит несчастье. Ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке мы, например, не найдём тридцатого номера дома. Его обычно заменяет цифра «12½». А тут на борту «Пасифик Трауда» нас оказалось именно тридцать человек, да, как на грех, в класте сидело пятьдесят пять человек, и количество находившихся на борту стало соответствовать количеству пассажиров.

Команда была явно обеспокоена. Но это обстоятельство несколько не изменило её тёплого и дружеского к нам отношения. Да и весь путь прошёл относительно спокойно, но не считай нападений на наш корабль немецких подводных лодок.

Промозглая эта в самом центре Атлантики.

Корабль шёл за грузом. Англичанам наливали то что называлось ими водаю, чтобы обогреть внимание, и поэтому однажды я был вынужден пить из кружки, которая была неизлечимой. В один из штурмовых ночей, когда стреляли час в класте, команда показывала нам без минуты двенадцать и мы, утомлённые долгими разговорами о положении на советско-германском фронте, уже жалели друг другу спокойной ночи, глухой взрыв потряс весь корабль.

Резко прозвучал сигнал тревоги.

Я побежал в каюту, взял спасательный жилет и списток, а затем бросился на верхнюю палубу. Из облаков показалась луна и освещала журчащую волны гребенем горизонтного немецкой подводной лодкой корабль.

Монстрийский танкер кренился на корму. Над ним стояли клубы чёрного дыма. Команда было спущена на воду шлюпки, но высокие волны ударили о борт корабля и разбивали их вдребезги. Люди плывали в ледяной воде и были заметны только по красным лампочкам, горящим на спасительных жилетах, да по отчаян-

ным крикам. Ракеты озаряли стремительно издающий к месту гибели танкера монсено.

Он появлялся, то снова исчезал в высоких волнах, то вновь всплывал, то опять погружался под воду, то возвращался к месту гибели. Она была обнажена метрах в семидесяти—восьмидесяти от нас. Спасалась от тащивших пуль и землетрясений снарядов, лодка медленно погружалась в воду.

Монсено пошёл на таран. Раздался страшный взрыв, точно столкнулись два трамвайных вагона.

К шести часов утра всё было кончено. Команду танкера удалось спасти. Долго вились баграми английские морники двух перепуганных насмешник, еле живых морских бандитов с потопленной подводной лодки.

Наконец сквозь завесу из густой дыма, в который увлекла нас буря, остроожно скользнула английской стави Амберт. Она величественно проплыла вперёд символический факел. Программа соединила огромные здания, устремившиеся прямо в туин своих верхних этажей.

Это и была Нью-Йорк.

Когда мы пересекали США с востока на запад, то ехали на машине на «Сан-Франциско» от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса и смотрели из окон комфорта первого, обтекаемого вагона, то всё время вспоминали

«Девушку из Ленинграда», «Миссия Дэвис в Москве», «Россия». Студия же Голливуда готовила к постановке фильм о партизанах под названием «Северная звезда». Я и думал, что в этой постановке найду «зрелищную комбез», но вскоре убедился что моя предположение было ошибочным.

Я переступила порог студии и сразу попала в... украинский колхоз.

Новые домики, крытые толем, школа, больница, ясли, клуб, продовольственный магазин. В пруду плавают гуси и утки. Вокруг кипят жизнь и работа, и температура теряет подсолнухи на пасмурных весенних горах.

Сопровождавший нас представитель администрации привёз гостей в кату. На окнах висели занавески, на подоконниках стояли цветы: на месте было вся необходимая домашняя утварь. За несколько метров от «сеза» протекала речка, через неё перекинут мост с перилами. А незадолго до этого в этом месте стояла железнодорожный состав.

Я прочитала на вагоне надпись: «Тормоз Мэтросова» — и сразу почувствовала себя, как дома. В общем, всё было фантастично, безо всякой суетности. Но тревожительные к себе американцы подробно расспрашивали нас: правильно ли крыты крыши с каждой стороны лучше снимать снега, или может быть лучше идти погружа хлеба, не заметила ли мы каких-нибудь недостатков? Потом нас привлекли в промышленный зал.

Кадр окружения партизанского сеза: килем мы были сделаны жизненно правдиво. Роль герояниче ской девушки исполнила одна замечательная киевлянка.

Хозяин фабрики Голливуд встретил нас в своем уютном кабинете. Рассказал о музыкальном оформлении картины. Прягавшийся сзади композитор сыграл нам песни, написанные для «Северной звезды».

Потом мы, следуя просьбе Голливуда и композитора, прошлись коротко несколько новых родных песен.

В Голливуде мы увидели специально военные киностудии. Много пологового времени нам знакомство с туковательным одной из таких студий — известных кино режиссёрам и сценаристом полонкином американской армии Франком Капра.

Он демонстрировал нам свой фильм «Праздник в войне», смонтированный из многих фильмов несколько лет назад. Картина рассказывала о подготовке к мировой войне, о приходе Гитлера к власти, о фашистском терроре, о подготовке всей германской военной машины к покорению чужих территорий, наконец, о захвате Германией Австрии, Чехословакии, Польши.

Следующий фильм был умный и замечательный фильм. Студия работала на военных картинах, расписаных сорвиголовами с борьбы американских солдат и офицеров на фронтах. В эту картину были включены кадры, заснятые фронтовыми операторами.

Американские хроникальные фирмы имеют своих корреспондентов на всех фронтах, где сражается армия; и проложили этим работникам кино необычайно широкий и интересен. Есть картина, например, показывающая, как герой, и главную роль в ней исполняет тот самый Альтик, о котором рассказывается в фильме. Есть военно-технические фильмы для всех родов войск, имеющие очень большое познавательное значение. В нашем присутствии был снят такой короткометражный фильм, подробно показывающий, как нужно приводить в исправность самолёт. Наш фильм «Черногорский» демонстрировался как учебный фильм во всех морских частях и на кораблях США.

В советском консульстве в Лос-Анджелесе произошла моя встреча с прославленным американским кинокритиком и режиссёром Чарльзом Чаплином. В комнату вместе с младенкой девушкой, чрезвычайно напоминающей актрису из «Новых времён», быстро вошёл человек с совершенно сдой головой и очень молодым лицом.

(Окончание см. на стр. 15.)

Советские кинооператоры в гостях у киноработников Голливуда. В центре — художественный руководитель и режиссёр голливудской студии «XX век» Борис Мороз и кинорежиссёра Джеки Терней.

свою родину, которой уже успели изрядно соскучиться. Штат Нью-Мексико удивительно напоминал Северо-западный Казахстан: Аризона — Северо-казахский край, Миссисипи — Сырьевый район и штаты Калифорния были тогда такими же, как в нашей Азии и Америке.

Четверо суток продолжалось путешествие из Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. Четвертый суток нам дружески жали руки граждан Нью-Джерси, Канзаса, Аризоны, Техаса, Миссисипи; нас нашеरяли, рассказывали о жизни и быте Советского Союза. В Голливуде мы сразу окунулись в самую сущность американской кинематографии.

Прежде всего нам довелось побывать в студии Бориса Мороза. Она оставляет неизгладимое впечатление. Это, по существу, не студия, а огромный буфетический город, с целыми кварталами домов, улицами и площадями. Здесь есть куски Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Берлина, Венеции. Причём сделано всё очень добро. Невозможно поверить, что это настоящий город, только без людей.

Затем группа советских кинооператоров посетила крупнейшую студию Голливуда, принадлежащую Самуэлю Голливуду.

Ехал я туда, испытывая чувство большого волнения. Мы знали, что это наиболее значительные американские фирмы с большой охотой ставят фильмы из советской жизни: «Мальчик из Сталинграда»,

по ту сторону

Днепр

Многие эпизоды русской военной истории прошли на реках. Знаменитейшие сражения совершились на водных рубежах. Имена Калки и Дона обозначают, например, начало и конец татарского вторжения.

Форсировать водную преграду трудно.

В наступлении этого лета русские войска преодолели Десну, Сож, Днепр, Припять, Прово.

Самая мадая из этих рек — Прово, но и её в старины звали Броня; это река с обрывистыми берегами, глубокая, и на ней происходили великие битвы. Просто переплыть через Днепр — это уже подвиг.

Через Днепр плыл Добриня Никитин для того, чтобы спрятаться со змеем.

Перед Днепром преодолевали мы реки. Там проходило самое роковое дно. Там было написано на камне старом русском памятник: «И неизбывное бывает».

Немцы ждали нас к Днепру поздней осенью. Советские войска подошли к Днепру внезапно, переплыли реку, пользуясь понтонаами и подсобными материалами. Переплыма, зацепилась за тот берег, отбивая изъём немецких танков из ПТР.

Днепр был форсирован...

Страна не забудет имя капитана Г. И. Гурьева — командира батальона — и, имя комиссара полка Ю. М. Должинского, имя сапёров и бронебойщиков.

В логотипе быстрой реки, одной из величайших рек Европы, надо было стать мост, побить связи под огнем неприятеля.

Немцы приучили свою армию к мысли, что наше наступление будет навязано на Днепр. Слава людям, которые спротивились немецкой уверенности и перенесли войну на правобережье!

Немцы сопротивляются на правом берегу бешено, сосредоточивают десятки дивизий на отдельных участках. Но война перевалла через Днепр.

Переход через Днепр по трубам, мостам и ветеринарному эшелону происходит передко через Альмы, прославившие имена Ганинбала и Суворова.

Мы имеем за Днепром не предметные укрепления, а целые районы и области и продолжаем сейчас возвращать родине землю нашей Узбекии, которую Пушкин звал наследием Богдана.

Рядом лежит наступление через реки и болота Белоруссии. Наша армия показала, что воля страны, выраженная волей Сталина, уже диктует ход войны. И это чисто профессиональное и моральное превосходство советских людей над профессиональными убийцами, столетними думаками только о войне, — немцами, которые вобрали в себя злобу мира и свободы и прогрессу и хотят закабанить русских, сделать из свободного человека раба.

Но взятие Днепра подвело итоговую черту под огромный период войны. Под чертой Днепра подписано:

«Итого — человек сильнее зверя».

В. Шкловский

На снимках справа — герои форсирования Днепра. Сверху вниз — Герои Советского Союза гвардии капитан Г. И. Гурьев, старший лейтенант Ю. М. Должинский, майор А. А. Бербенкин, сержант Т. А. Краля, старший сержант В. Е. Песков, старший лейтенант Ю. В. Тварковский.

Роман

Продолжение

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ НА КАРНИЗЕ

1

Аркадий Сенечкин неподвижно лежал под одеялом и смотрел в открытую дверь.

Там, в соседней комнате, были выбиты стекла, обвалился потолок и светлосерой копкой, и холода у него было, как на улице. Печурка больше не горела: он всё уже давно сжег — и книги и книжные полки.

К холоду он стал разинувши. Весь день лежал он под одеялом одетый, в потрёпанном коричневом пальто и светлосерой копкой, и не спускал глаз с открытой двери: он охотился за своим котом.

Ещё вчера он писал стихи, читал, думал о том, что об осаде, о смерти. Ещё вчера он не был, конечно, первично-позыванным и горделивым. Он жалко страдал от голода, но сознавал того, что если бы страдал так же, как он, страдал, то не сдёбся, помогал ему перенести страдания, не жаловал. Он умрёт, и многие умрут, но разве смерть — самое страшное? С теми, кто не боится смерти, ничего нового неизвестного мира сила рушится при стихийном, с чудовищеским духом, с человеческой язвой и искаженностью. Вот как он думал ещё вчера.

А сегодня у него была только одна мысль — о коте. Весь день с самого раннего утра Сенечкин ловил кота.

Уже близились сумерки, когда в передней скрипнула, калеч в замке. Разразилась широканье калон по полу. И магний голос Василия Степановича, как всегда, произнёс:

— Это я, друг мой, я...

Сенечкин стремительно вынырнул под одеяло. Сорвал с головы шапку и спрятал её под одеялом у себя на животе. И закрыл глаза.

2

Прикол Василия Степановича в такую минуту разносился Сенечкин. Он решил не открывать глаза, пока Василий Степанович не уйдёт.

«Уже умрёт!» — подумал Василий Степанович, взглянув на Сенечкина. Он остан-

ется, прислушиваясь, Сенечкин дышал. «Нет, пока ещё жив. Спит.»

Он не следил попытки разбудить Сенечкина, но и не ушёл. Шубы своей он не расстегнул, шапки не снял: здесь было слишком холодно. Он вынырнул из кармана полученный по карточке Сенечкина кусочек хлеба, завёрнутый в обрывок газеты, и положил его на подушку. Потом подошёл к окну, где еле брезжал свет, и посмотрел на свою часы. Оставалось четырнадцать минут.

Василий Степанович потерялся затемни окно и зажёг спичку на почтуке коптилку. Вся мобель в комнате была уже сожжена, оставалась только кровать, и Василий Степанович сел на край кровати, у ног Сенечкина.

Потом он взглянулся на часы. Оставалась шесть минут.

Он поднялся с кресла и сидел, и открыл дверь, вышел в соседнюю комнату. Открылся он с собой пакрики, зажёг фонарь и отошёл вперёд. Он искал пальто и шапку Сенечкина. Пальто и шапка всегда лежали здесь. Но сейчас их не было.

«Что за торты! — подумал Василий Степанович. Он несколько растерялся. «Неужели пальто там, у него?» Василий Степанович вернулся в комнату Сенечкина, закрыл за собой дверь и оглядел все углы. Ни пальто, ни шапки тут не было.

«Надо бы разостлать его и спросять», — Но прежде Василий Степанович покладё на часы. Оставалось только две минуты.

Василий Степанович встремился и засторопился. Будто Сенечкин ничего было и думать. Не снял шубы, спешнай и разбросанный, он открыл дверь и устроился в соседнюю комнату. На пороге черный кот попался ему под ноги. Василий Степанович споткнулся и наступила на него.

Придавленный, кот закричал пронзительно и громко. Василий Степанович в крайней досаде со всей силой подвёл его ногой как мяч. Кот стукнулся головой о дверной косяк и, мёртвый, упал на порог.

Василий Степанович, спешнай, поддергивал кота своей шубой, вылез через разбитое окно на крышу и убежал.

Тогда Сенечкин со страхом с краюлся. Стремясь кинуться он в двери и схватить кота. В разбитом окне зиявшую опасность свет, озаривший небо. При этом ярком, зелено-блестящем, на треках из захваченных Сенечкин на мгновение увидел за окном крыши, крыши, крыши, папки, башни — весь город. Он убежал в комнату Степановича. Василий Степанович лежал у себя в гробине бляжайшей крыши, подняв руку к сердцу.

Сенечкин не обратил внимания на это никакого внимания. Свет погас. Сенечкин вернулся к себе в комнату, захлопнул за собой дверь, лёг, укрылся одеялом и спрятал под одеяло кота.

Неподалёку развались бомбы. Но Сенечкин глаза глядели и притворялись спящими. Он ждал, когда Василий Степанович вернётся и уйдёт.

3

Он заснул и спал так крепко и так долго, как никогда прежде не спал. Проснувшись он в первый раз только в середине следующего дня со смутным ощущением тоски и тревоги.

«Плохое», — подумал он, открыл глаза. Что плохое, он и сам ещё не знал. Его тошнило, болела голова, но не это было плохо. Плохо было что-то другое, что-то славинившее вчера.

Головная боль мешала ему вспомнить. Что же это случилось такое, отвратительное, поганое, после чего не только нельзя забыть, но и не хочется спешнай умреш? Туман скрываля от него всё, и сквозь этот туман проблескало только тигоистическое исполнение непонравившего срама.

И вдруг туман разом рассеялся. И он вспомнил вспышку яркого света, и окно,

и Василия Степановича на крыше с поднятою правой рукой.

Всё это встало перед ним, как видение. Это видение больше не оставляло его ни на минуту, и оно не исчезало даже через час. О чём он думал все эти часы? Он ни о чём не думал. Он только без конца вспоминал одно и то же, всё с новой мукой. Нестерпимое ощущение непонравившего случившегося не давало ему думать. Он понял, что воне не было неслыханной, головной и размыслия о непонятной смерти. Он готов был бы теперь заплатить алчному зверю, вернуться к недавнему времени, когда у него было множество мечтаний, полна сознания величию вселенной, и вращалось вокруг. Он тогда не был одинок в этой комнатае: он был прочно связан с удивительными, неслыханными городами, он дышал, наслаждаясь ими, как хижинами из его жителей. Он умирал, но, и умирая, при всей своей беспомощности, он был уверен, что поднимется, что его спасущая голова поднимется за побегом. Кто много, как чисто было у него на сердце! И как беспалендо одинок он сейчас, как безвозвратно несчастлив, как непонравившее оторвано от всего, чем дорожил, своей причастностью к случившемуся бедствию!

Он не пытался утешать или оправдывать себя тем, что причастен был небывало. Не вселил ли равнодушие, небывало. Теперь он обязан извиниться за это дело. И он принял решение. Согласил же.

Он сидел на краю кровати, молча прикончил, но, когда она стала прикончить, ему стало легче. Принял решени, он несколько успокоился. А успокоившись, началико сплюхнула засыпка.

На этот раз проснулся он только вечером, от грохота упавшей бомбы. Немцы опять бомбили город. Штора на окне была спущена, коптилка зажжена, кусок хлеба лежал на подушке. Сенечкин понял, что Василий Степанович уже заходил. Где он? Трещали зениты, но треск их затихал, удалялся. Но в комнате Сенечкин вдруг услыхал из окна Степановича, вероятнее всего, как раз там, на крыше. Он вскочил с постели и кинулся в соседнюю комнату. Славости он не чувствовался. Одним прыжком вскочил он на подоконник, за которым была чёрная звёздная ночь.

4

Свет заснул, бледно, во тьме, и только благодаря спустившимся на окно занавесам, далаёко двора зияющей и сорвиголовой оконной панораме. Под окном лежал всей стопы дом тянулся узкий карниз, но Сенечкин никак разглядеть его не мог. Он знал, что Василий Степанович умеет ходить по этому карнизу, лерхает руки за металлический провод, притянутый ядолом стены. Если дойти до угла, с карниза можно переступить на край соседней крыши.

Бежать не было времени. Сенечкин хотел было спуститься на карниз. Он же лежал сел и спускался за окно своим длинным, тонким ногам в шерстяных носках. Но чёрная пропасть внизу была слишком страшна. Он замер в перешатальности, не зная, что делать дальше.

И вдруг он услышал приближающееся поскрипывание осторожных шагов. По карнизу шёл человек. В темноте ничего не было, кроме и падающих, долетающих мимо врагов, пренесённых Степановичем разбросанные очертания шубы и шапки. Былины от окна Василия Степановича нужно было преодолеть довольно сложное препятствие — водосточную трубу. Василий Степанович обнял её и медленно обогнула, прижимаясь к ней всем телом. Едва он сделала следующий шаг, как длинико ноги Сенечкина метнулись перед самым его лицом.

Василий Степанович оторнулся в незнайкиииступе. Он обхватил трубу волнистым движением руки и прижался к ней, напряженно взглядывая в тьму. Но через ми-

нуту он узнал Сенечкина и овадил собой.

— Это вы? — воскликнул Василий Степанович с ярко выраженным удивлением в голосе. — Да что вы? Да разве можно в нашем состоянии лазить по окнам. Идите, ложитесь в постель, дорогой мой.

— Я вам не «дорогой мой», — сказала Сенечкина.

— Как вы возбуждены! — с участием проговорил Василий Степанович. — Что с вами? Ну, ну, успокойтесь, вас временно. А я сейчас побегу и куплю что-нибудь приятное вам дров и заговянины, а то вы все холода, как на улице. Я сейчас уложу вас в постель и посыплю с вами. Подышитесь немножко, я хочу влезть на подоконник.

И Василий Степанович снова сделала шаг от трубы к окну.

— Прочь! Не сметь! — крикнула Сенечкина, и эта ее фраза метнулась перед лицом Василия Степановича. Всегда больше не войдёте в мое владение.

Василий Степанович звонко послушно отступила к трубе. Но на этот раз он ничем не выразил своего испуга. Напротив, он рассмеялся, и всплыло добротущо.

— Неужели вы хотите, чтобы я навеки осталась тут, на карнизе? — спросил он. — Тут долго не простояшу. Как же мне выбраться?

— Как угодно, — сказала Сенечкина. — Мне нет. Только не через мое квартирное.

— Ну, хорошо, хорошо, я подожду, когда вы успокойтесь. Какие, однако, страшные мозговые явления вызывает вами болезнь. А я чудесно прогулялась, чудесно! Я так подобны эти почные пропалки над городом, что после войны мне труднее будет без них обходиться. Сегодня они неважно болеют. Они станут слишком бояться землетрясения, и самойт боятся гроба до центра города. Однако две бомбы сбросаны довольно близко.

— При вашем содействии, — сказал Сенечкин.

— Как? — спросил Василий Степанович, словно не расслышав.

— Я говорю: при вашем содействии!

— То есть как?

— Да вот так! — яростно ответила Сенечкина. — Не ломайте петрушку. Хватит. Я всё видела.

— Что ж вы видели?

— Я видел, как вы пустили ракету.

— Когда?

— Вчера.

— Вчера выпали впервые?

— Ну, конечно, впервые.

— И прежде ни о чём не догадывались?

— Ясно, что не догадывались, раз позвонили вам приходить.

Василий Степанович захочет громко, от души:

— Ну и недогадливый же вы, дорогой мой! Вот уж не ожидал! Я была убеждена, что вы давно обо всем догадались.

Сенечкин задрожала от беспокойства и ужаса:

— Вы были убеждены, что я «обо всем догадалась» и... тем не менее знаете с вами?

— Естественно, дорогой мой. Я думал, что мы зайдем.

— О! — простонала Сенечкина.

— Ведь я считала вас моим другом. Я сейчас считаю вас моим другом. Полнейшего доверия к вам с вами на подоконник, а то у меня руки затекают, ведь я почти вину на руках.

— Прочь! — закричала Сенечкина, размахивая ногой. — Если вы попытаетесь спешить еще шаг, если вы дотронетесь до подоконника, я вас спихну вниз.

Василий Степанович благородно отступил от трубы.

— Вот уж не думал, что вы способны на такое зверство, — сказала она. — Ну, хорошо, я подожду, пока вы успокойтесь. И ещ могу здесь постоять. Вы же слишком ласковы со мной обращаетесь. Впрочем, я сам виноват, я давно мог понять, что вы человек жестокий. Ведь вы убили своего кота.

— Это вы его убили, а не я.

— Я, А, впрочем, может быть, и я. Я убийца, это факт. Я очевидно убийца, он в темноте погибла под ноги, и я испепелил убийца. Но ведь вы хотели убить его не начиная: вы хотели снять с него много часов.

— Но я не знаю, убийца ли я его, если бы помял. Может быть, и не убийца.

— Не посмели бы?

— Не напрасно. Убивать надо смерть.

— Ну, в-с-то и посмею убить, не сомневайтесь.

— Какие уж тут сомнения! — сказала Василий Степанович с нестерпимой насмешкой в голосе. — Вы выражаетесь яснее ясного. Ах, просто все-таки знать, какими именно способами вы собираетесь меня убить? Просто сбросить с карниза? Не лучше ли убить меня, чтобы я не дотягивалась к вам, вторично вас, вторично прельщает какой-нибудь более законный способ. Вы собираетесь обо мне сообщить?

— Конечно.

— Да, да, понятно. Ну, в таком случае я вас никакую не опасаюсь. Я убежден, что вы ничего не сообщите.

— Убежден? Почему же?

— На вас это так минувшее затмение настало, в связи с вашей болезнью. Через час очнётесь, и мы вместе будем смеяться, вспоминая эту ахбоптическую беседу над пропастю в пятом этаже.

У Сенечкинских глазах замутилось от гнева.

— Да как вы смеете думать? — сказала он сдавленным голосом, — что я настолько никого, настолько пола, что вам дадут жить после всего, что я узана о вас!

— Я смею так думать, потому что знаю: вы умный человек, — проговорила Василий Степанович спокойно. — Вы поэт, вы единокая, гордая душа. Что общего между вами и ми, их городом, их судьбой? Вы создали замечательный шик стихов о смерти. Ну, и что же? Они поняли вас?

Рис. В. Горлева

Человек не шевелился, не дышал...

Они вас оценили? Я, я один вас оценил, а не вы.

— Ах, ложь! — закричала Сенечкина. — Ваша гуща была только возможностью проходить через мою квартиру. Какой стиль, что я столько времени дочерику слушала вашу глупость, подумать лестно!

Сенечкин закрыл лицо руками, но тотчас же отодвинул ладони от лица, так как ему показалось, что Василий Степанович собирается шагнуть вперед.

— А, вперед, — сказала она. — Да бы мы можем сколько душе знать, у вас не было бы опасения меня стыдиться... — продолжала Василий Степанович. — Мне и в самом деле очень нравится ваши стихи. Я кое-что смыслю в стихах; повторите, я ведь живу занимаясь искусством, я знаток, я специалист по продаже художественных вещей. И я не действительно думаю, что я захвачу вашу любовь, — сказала она, — я родина, провод, о которых пишут в пьесах, развязанных по городу? Нет, дорогой мой, я то, да не то. Знаете, кто я такой? Я человек, отговаривший будущее.

— Назад! — закричала Сенечкина. — Назад сейчас же — или вы поспешили вниз?

Василий Степанович несколько отступил, но не до самой трубы.

Хорошо, — сказала она. — Я буду впереди от вас, — сказала она. — Я человек, впереди отговаривающий будущее. Я видел, что на нас изъял сила, которую остановить невозможно, дорогой мой...

— Сколько раз я говорил вам, чтобы вы не смели называть меня «дорогой мой!» И отважившись назад — я спихну вас Сенечкин измамнул ногой, но Василий Степанович отскочил вправо, и Сенечкин отскочил влево, и тут же, как вспышка, обхватил другой рукой ногу Сенечкина, осторожно и твердо прижал ее к себе.

— Ну, не лягайтесь, — сказала он асково, — а то вы и первым меня спихнете, — он шагнул вперед, крепко держа Сенечкин за ногу. — Не надо брыкаться, теперь у вас позади не утомлять себя, — он тянула Сенечкин за ногу, — я вас не забою, вы же трясете смы, дорогой мой?

Он беруща за ноги и сорвав Сенечкин с подоконника. Слабо вскрикнув, Сенечкин поспешил вниз и исчез в темноте.

Василий Степанович постоял, прислушиваясь, пока снизу до него не донесся звук глухого удара. Потом влез в окно.

5

На дне двора, в темноте, засунуту руки в карманы, стоял маленький Павлик. Он в который уже раз видел, как взлетела ракета, и решив обойти дом кругом в последней надежде разгадать, каким образом ракеты уходят с крыши. Заяц на этом дне, он остановился, услышав наверху голос.

В темноте ничего нельзя было разглядеть, но ему показалось, что кто-то сидит на подоконнике одного из окон пятого этажа. Какая-то темная тень шевелилась у верхнего конца водосточной трубы. Голос был довольно громок, но сколько Павлик ни вслушивался, он не мог разобрать ни одного слова.

Потом раздался крик, что-то тёмное проносилось по воздуху и упало в двух шагах от него. Павлик замер и долго-долго стоял, не решаясь двинуться с места.

Всё затихло кругом, ни шелеста, ни скрипки.

Павлик осторожно двинулся вперед. Он затаил дыхание, чтобы не заскрипеть, когда ляжет на камни.

Павлик вынула из кармана фонарик и направил на упавшего кружок света. Человек лежал, зарывшись лицом в снег.

Но лицо его Павлику не было нужно. Павлик мгновенно узнала коричневое пальто, светло-серую кепку и погасшие фонарик.

Тот человек, за которым он следил столько времени, лежал перед ним мертв. Ему было незачем больше наблюдать за этой криминальной.

(Продолжение следует.)

Волгоград

Я. Хелемский

Разрытые чёрные кусты
Вставали злобны и густы.

Штыким горичком ощетинясь,
Сразив немецкие посты,
Ворвался первый пехотинец
На гребень взятой высоты.
Преодолев горицю схватки,
Прорвав колючие рогатки,
Пройдя по бражеским телам,
По исковерканным трапезам,
Где глина бурая, ржавая,
Мешалась с кровью попонами,
Боец на смытый бурстер вылез.

Воронки тёмные дымились,
Пестрела осколков ржавый хлам,
И тишина прохла, как мистика,
По минным роковым полям.
Весь потный, истомленный боем,
Он ничего перед собою

Не видел и, впадая в сон,
Глядел искривими глазами.

Но вдруг очнулся он, и замер,
И выпрямился, потрясён.

С вершиной той открылся сразу
Такой простор, что трудно глазу
Его постичнуть и обнять.
Родная ширь за пидью нядь
Распахивалась за высоткой
И прокричала там, вину.

Солдат в волнены снял пытку,
С небритых щёк смакнул слезу.

Увидел он в рассветном блеске
Луга, пригорки, перелески,
Развилки жёлтых дорог,
И при слиянии рек — руины
Церкви и улочек — старинных,
Разбитый немецкий городок.
Холмы темноземёлых скаты,
Заросшие бурьяном хаты,
Овражки в полевых цветах,
Берёзки тонаик, как тени,
И яблони дикое цветение
В давно заброшенных садах.

Всё то, за что ходили в бой,
Возникло в дымке голубой.
Под необыкнитым небосводом,
Хоть и печальная, но светла
Сияла русская природа.
Казалось, в ней душа народа
В тот миг отражена была.

Старшина

В. Глотов

Весь день не оставляло небо,
В огне — лесная сторона.
К бойцам с патронами и с хлебом
Спешил лошадий старшина.

Кругом него разился спаряды,
Толкались чёрные стады,
И падали осколки рядом,
И конь взинжался на дыбы.

И старшина браня схидно
Днепрового пыльного коня:
— Уймись, иу как тебе не стыдно!
Бониши чортова огни!

Дымилась даль, крепчала стужа,
Спускался вечер над селом.
И кто то крикнул:
— Едет ужин!.
И по рядам пошло:
— Жидём!..

И бой утих ожесточённый,
И старшина раздал бойцам
Махорку, колбасу, патроны,
И, беззлобно, по сто грамм.

А сам, доеv кусок селёдки,
Сказав, облокотясь на тиму:
— Ребята, в холод стопка водки
Сильнее всяких медицин.

Карней Чуковский

Чехов и Россия

«Если любой топить и вешать, —
сказал Самоцветко, — то к чорту цивилизацию, к чорту человечеству! К чорту что я тебе скажу: ты учёнейший, величайшего ума человек и гордость отечества, но тебе немцы испортили! Да, немцы! Немцы!»

Антон Чехов «Дядя Федя»

«Дикая настоящая русская, даже с камиком отцом чисто великокорусского наличия».

Горький, вспоминая свои беседы с Толстым, сообщает, что Лев Николаевич, отозвавшись очень сурово о каких-то писателях, обратился к Чехову и мягко сказал:
— Ты же — русский! Да очень, очень

И, ласково улыбаясь, обнял Антона Павловича за плечи:

Должно быть, эти очи русской красоты Чехова сильно присасывались в глаза, если даже Бальмонт написал ему на одной спонсорской открытке:

«Художнику с нетипично-русской лушой». Комментариями к этой аллюзии надлежит могут служить следующие слова Сергеенко:

«Всех же действий, особенно в его произведениях, так и просвечивается мородина души русского народца, с его любовью к жизни...»

Чехов в восторженной стороны явдал эпилексический образ русского крестьянина. В редкий деревень не встретишь крестьянина, похожего на Чехова, с хөховским выражением лица, с хөховской умбкой.

Хотя Чехов родился на юге, у Азовского моря, и часто называл себя в шутку «хөховцом», он не отрывался от своего народа из центральных губерний, и он, коренний обитатель Москвы, по своим вкусым «и на выхах» являлся одним из типичнейших

руссских людей. И его правдивость, и его простота, и его искренность, и физика и его скромный, некривящий, некрасивый геромизм — всё было в нём народное, русское. И Россия любила он такую же непоклонную, некривящую, любовь. Конечно, многое в тогдашней России было ему ненавистно, ибо, по его опущению, уродливое и злобное, и даже для русского человека развернуты по всему лицу своей природные качества, но Россия сама по себе, в основе своей, была для него раньше всего воплощением великолодья и победительской силы.

«Глядя на улыбающегося мужища, на мальчика с громадными рукавицами, на избы, — говорит герой его рассказа «Женщина с маковыми цветами», — я видел такого болельщика, которое могло бы побороть всех великолодушных людей, мне казалось, что в воздухе уже пахнет победой, я гордился и был готов крикнуть им, что я тоже русский, что я одной крови и одной души с ними!».

Этот чеховский герой был начальником озабелен и немощен, но спас на почтительства. Когда я впервые прочитал «Женщину с маковыми цветами», великолодушный, «непобедимый нардом», он стал счастливее и духовно окрен.

¹ Так было напечатано в первоначальной версии рассказа «Женщина, но впоследствии Чехов сильно укоротил эту фразу.

Одно и то же слово в один голос сказали:
— Ах, Чехов, ты несмотря на него несомненно величайший писатель!

Петр Серебряков, который учился в семи татарской гимназии и смолоду встречался в Москве, отметил в своих мемуарах, что в юности у Чехова было лицо «русского миловидного парня».

И буквально то же самое записала о нём Владимира Короленко, познакомившись с ним гораздо позднее:

«В лицо Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая пристодушного дезертика парня».

И то же самое отметила в нём Александр Куприн, познакомившись с ним уже в годы его предметной болезни:

«Было в нём что-то просторное и скромное, что-то привычное, русское, народное, — в лице, в говоре, в образах речи».

О говоре существует свидетельство Вл. И. Немировича-Данченко:

И не было такой эпохи в жизни Чехова, когда бы он усомнился, что «сильные и великолепные русские люди одолеют любые препятствия и выйдут победителями из самого болезни, на которых напали их истории».

Восхищаясь Д. Н. Маминским-Сибиряком, замечательным бытописателем Урала, Чехов видел в нём раньше всего непобедимую народную силу: «Что на Урале должно быть все такое: сколько их на толках в ступе, а они все зерно, и нет муки». И уверял, что ему становится весело, когда он слышит, что «они» — то есть, он попадает в среду «сильных, цепких, устойчивых, черноземных людей».

Верить или не верить в Россию, в этих «сильных, цепких, устойчивых, черноземных людях», в то, что они завоюют себе великое будущее, — такого вопроса для Чехова даже не могло быть. Но Чехов знал, что его жизненный опыт всё же беспристрастно показывал, что русская народная вспышка бурной деятельности вспыхнула ему твёрдую уверенность, что у такого народа не может не быть самого великолепного будущего.

Во время своей поездки на каторжный остров он после мучительного путешествия по бездорожным Сибирским прибытия, наконец, к берегам Енисея и записал в своём путевом дневнике:

«Наша жизнь началась со сном, а кончилась удачей, какая нам и во сне не снилась. На этом берегу Красноярска, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминающие мне о Кавказе, так же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: «Какая планета, умная и смелая, жизнь освещит со временем эти берега?»

И не только берега Енисея, но и всю Россию, потому что русский народ заслуживает величайшего будущего. От этой грандиозности Чехов настойчиво твердил в своих книгах и, даже умирая, в предсмертном письме из Германии пишет, что в немецкой жизни, по сравнению с Россией, «не чувствуется ни одной капли галантности в чём, ни одной капли вкуса».

«Наша русская жизнь», — уверял он, — гораздо талантливее, чем жизнь в Европе, в Америке, в Англии, познавшейший наученную Россию, и знаменательно, с каким благоговением относился он к русским актёрам, сцедительствующим своими талантами или «своими делами о духовном величии народа».

«Я готов стоять днём и ночью почётным караулом у крыльевого дома, где живёт Пётр Ильич Чайковский, до той степени

и уважая его», — писал он в 1890 году.

Он посвятил великому композитору свою

лучшую книгу и, посыпав ей в дар, написал:

«Я посыпал бы (Вам) даже солнце, если бы

оно принадлежало мне».

«Таких людей, как Пржевальский, — заявил он в письме, — я люблю бесконечно». И это было не случайно. Чехов написал о нём в газетной статье, что такие люди «столпят десятка учебных заведений и сотни хороших книг». Их идейность, благородное честолюбие, имевшее в основе честолюбия и науки, их упорство, никакими лицензиями, опасностями и искушениями, личного счастья, непобедимое, стремление к раз намеченной цели, багаж их знаний и доблести довели их в глазах народа подлинными «самотворными высшими нравственными силами».

С такой же горечностью отзывается он в своих письмах и книгах о многих других «подвижниках», носителях этого «непобедимого русского духа», — о Салтыкове-Щедрине, о художнике Крамском, о композиторах Воронине и Даргомыжском, о ботанике Тимирязеве, о замечательных русских художественных Невельском, Бонине, Полякове, «совершивших изумительные полигли», за которые можно богоугодно человека».

Всё это творчество так сплошно с русской природой, что всякий типический великолепный русский лейбл давно уже у русских людей называется чеховским. Жена Чехова

писала ему в Лату из подмосковной деревни:

«Я всё думала, как ты удивительно подходишь к этой чисто-русской природе, к этой шире, к полям, лугам, овражкам, уютным тенистым речкам».

Русской природе он чувствовал разнотип её огромности и силы. «Иной раз, когда не спится, — говорил в его письме Лопахин, — я думаю: господа, ты дал нам громадные леса, необычайные поля, глубочайшие горизонты и, живи тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами».

«Что же изобретено широкое разноплановое и богатырское тяжелое на стени вместо дороги», — читаем в чеховской поэзии «Степь». Ты боялся полосы, хорошо вымощанной и покрытой пылью, как все дороги, но шириной в несколько десятков сажен. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Может быть, потому, что на Руси ещё не перешел граничный рубеж, ибо впереди — горы Илья Муромец и Соловьев Рыбакина, и что сюда не вымчали богатырские кони».

Но когда я посыпал в нем акобо к этой своей Великании, к её «громадным лесам, необычайным полям, глубочайшим горизон-

там». И болезнь этого ненавидела он тех, кто не видел в ней этой любви к родине, к её патриотизму, ни любви к литературе, в одно самодовольничество и литературу, в одиночного самодовольничего писателя, — писала о некоторых современных ему беллетристах.

«Жизнь без отечества» он не может прожить никому. С чувством гладкости, обличая в своём «Рассказе неизвестного человека» цинизм высокомерного журналиста, читаем: «Богатырские головы, наивные мерзостны проповедью этого цинизма считают её неуважением к России. Эти люди в рассказе Чехова со смехом клацавшими на Россию и на русский народ, который будто бы «изворачивался, спасая, излечивался», и, usage одного этого было достаточно, чтобы Чехов увидел в них «грузных, живитых» с «проклятием холодной кровью»».

Много лет спустя он вспомнил, как одно сознание, что он возвращается в родную Москву, окраинами для него в счастливые краски даже то, что при других обстоятельствах, пожалуй, не доставило бы ему удовольствия.

«Впечатление, одинаково словом, оказалось различным, потому что я возвращалась на родину».

С умкой понимания и сочувствия изображает он в своем «Сахалине» мечты русского простого человека, изгнанника с родной земли, о России. Эти мечты он формулирует так:

«В России всё прекрасно, потому что самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России могла быть несчастливая любовь, так как там гладко пойдет. Туалеты там, Курской губернии, дают чистую белую избы, имущий русским водухом само по себе уже высшее счастье... Тоска по родине выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных».

Патриотизм Чехова сказался не только в его сочинениях, но также по множеству его дел и поступков, но и в неизъяснимом любви к России. Родина, всем ей людям, соглашаясь пасмурными, городами.

Нужно было, действительно, обладать желаниям до самозабвения интересом ко всему, что творится в России, чтобы к 25-летнему возрасту обнаружить такое необыкновенное, изумительно точное, подобное до мельчайших деталей, необыкновенно разностороннее знание России, которое выражалось уже в своих первоначальных рассказах.

Если бы вдруг исчезли все письма, мемуары, документы, газеты и журналы, относящиеся к тогдашней России, эту Россию мы могли бы восстановить, как из пепла, все сверху донизу, в малейших проявлениях её бытия по этим мелким чеховским рассказам, и это неслыханно! Он не был от Перми до Красноярска, от Днепра до Амура, от Баку до Новониколаевска, и пользовался каждой минутой, чтобы ещё ближе изучить её быт; он неистощенно пополнял свою знания, и к тому времени, как он вернулся с Сахалина, он уже знал её лучше, чем все, взятые вместе, беллетристы его эпохи.

«Он звучал странно звучит, иные из них даже звучали в этом его подсостаток. Одни известный романтик склеро после его смерти писал:

«Он увидел Россию ясно, чем кто-либо, но проглядел Европу, проглядел мир».

Этот пресервативный космополит не понимал, что Чехов потому-то и сделался всемирными и всевероятными писателем, что он там глубоко вошёл в свою русскую почву, ибо это было дело великого мастера, будь то Мольер или Гоголь, или Шопен, или Уитмен, лишь тогда становятся достопримечательностью всего человечества, когда в центре его космоса — родина.

Чехов и наружность, и биография, и творчество — типичнейший из русских людей. Он представитель величия народа прошлого и будущего. Всего, что произошло в ноябре 1941 года в жизни Страны в которой называемая речь называлась его имя в числе самых славных и любимых имён, которыми вправе гордиться весь русский народ.

Антон Павлович Чехов.

Кадры из новых фильмов этого года. Слева направо: кадр из фильма «Фронт» — на первом плане артисты Ваня (Хрипун), Жуковский (Горлов) и Дмоховский (начальник штаба); кадр из кинокартин «Давид Бек» — артистка Махмурова (Гайдак); кадр из фильма «Новые похождения Швейка» — в центре артист Теник (Швейк).

Дм. Ерёмин

ПОСЛЕДНИЕ ФИЛЬМЫ ЭТОГО ГОДА

Немногие знают о тех условиях и сроках, которые определяют создание полнометражного художественного фильма.

Вначале он появляется как замысел писателя выше либретто будущего сценария. Затем это литературный сценарий, в котором сюжет записан как бы в «технический проект» фильма, называемый режиссерским, или «монтажным», сценарием. По этому реалистическому и выразительному сценарию фильма, длившемся

примерно 5–6 месяцев,

затем образом, от создания

либретто сценария до выхода

фильма на экран проходит в среднем не меньше года, а иногда и больше.

Фильм снимается не в точном

следовании за логикой его сюжета и образом в зависимости от съемочной обстановки есть «декоранты» в напольных или напольных эпизодах на натуре. Вначале он существует лишь виде «кусков», и только режиссерский монтаж этих «кусков» возвращает событиям фильма ту последовательность и завершенность, которая была при-
суща его сценарной основе.

Большинство художественных фильмов, о которых здесь пойдет речь, было задумано больше года тому назад и находилось в работе в течение многих месяцев. Сейчас они существуют лишь виде «кусков», о которых говорилось выше.

Вот почему, когда мы говорим, что это кинокартин «Фронт» Боятев

Басильевского по сценарию А. Корнейчука и кинокомедия «Новые похождения Швейка» режиссера С. Юткевича со сценарием Е. Помецкова и Н. Рожкова, недавно вышедшие на экраны.

Кинокомедия С. Юткевича пред-
ставляет собой своеобразную «сост-
авляющую» сказки. Этот острый и

веський политический пафос из карики-Гитлера, возмущающегося тем, что его не хотят слушать Европу.

Действие разворачивается в гористых горах, куда направлен кара-
тельный отряд немцев против пар-
тизан. Среди «квартирелей» находят-
ся и чех Иосиф Швейк — мудрец

и проказник, широко известный по

роману Гашека «Похождение бра-
вого солдата Швейка». В фильме Швейк делает все от него зависи-
щее, чтобы помочь партизанам. И ему это удается: немецкий от-
ряд терпит поражение...

Но содержание сказки не в этом: центральное место в фильме занимает сон Швейка, представляю-
щий собой яркую и полную сати-
ры на бесноватого «фюрера», ко-
торого превосходно играет артист С. Мартинсон. Особенно остроумны эпизоды, показывающие изодраму Гитлера и поиски Швейком спо-
собов казни «фюрера».

Роль Швейка в фильме играет артист Б. Теник, тщущий Адель-
турка. Раневская, кинорежиссерка Християна — артистка Никитина и артистка Филиппова.

Содержание фильма «Фронт» в сценарии соединяет содержание общезвестной одновременной пьесы А. Корнейчука. Это глубоко реалистическое, волнующее произ-
ведение о советских людях, о их па-
ртизанстве и мужестве, о нена-
висти к врагу.

Первоначальная игра актеров в сценарии с режиссерской работой Басильева Васильевы делает фильм значительным и интересным.

Собственно следует отметить игру артиста Жуковского в роли коман-
дующего фронтом — Горлова.

Н. Крюкова в роли Сергея Горлова,
Б. Ванина в роли Хрипуна, Б. Бабочкина в роли Огнева и Б. Чиркова в роли полковника Уд-

инского в фильме «Фронт» сыграли
актеры театра и кино. Их игра, не-
смотря на то что это первые роли в
кино, выдающаяся. Актриса Е. Поме-
цкова и Н. Рожкова, недавно вы-
шедшие на экраны.

Кинокомедия С. Юткевича пред-
ставляет собой своеобразную «сост-
авляющую» сказки. Этот острый и

веський политический пафос из карики-Гитлера, возмущающегося тем, что его не хотят слушать Европу.

Фронт требует восurreжения,

и молодые партизаны должны стать

к стаканам, выпивая задания фронта.

Но ребят, особенно горячего,

неуравновешенного Кузьмы Заварина,

«не устраивает» работа

в тылу: они решают бежать из фронта, чтобы собственными руками убить немецких немцев. Разгоряченная Кузьма даже разбил свой дилом рабочего-токаря. Только вмешательство воинства звода помогло ребятам правильно осознать свою задачу во время войны: «Вы — говорит постепед, — не умеете быть нищими, зато вы умеете бороться!». Кузьма — вол-
вод — это тот же фронт, и пол-
тинный патротый найдет здесь все сла-
дко для того, чтобы отдать свои зла-
ния и силы матери-родине в дни
её великих испытаний».

Зрителя становится свидетелем побега молодых героев. Особенно интересны эпизоды, связанные с судьбой Кузьмы и рабочей сметкой Ивана, нашедшего способ избе-
гнуть дефицитной детали изо-
вой — простой и доступной.

Роли главных героя: Ивана Том-
аковского, Кузьмы Заварина, Веры
Сони — играют артисты: А. Михайлов,
А. Конинский, Янина Желко и М. Благодарова.

В скромном времени заканчива-
ются также съемки фильмов «Март-апель», «Радуга», «Давид Бек».
«Он ей верится».

Последний В. Кожевников

«Март — апрель» известна нашей

молодежи. Фильм, который станет

режиссером В. Ирони, дает более развернутую, чем поэтическая картина

событий и переживаний героя.

Центральная тема фильма — бес-
примерное мужество советских люде-
й, их готовность жертвовать все-
м, видеть за жизнь, но ими
интересов общего дела, во имя

выполнения заданий командова-
ния. Эта тема удивительно реше-
на в работе режиссера и актеров.

Любовь Михайлова (артистка С. Лапсан), капитан Жаворонкова

(артист О. Жаков) и разведчицы

Катя Веселовой (артистка Я. Жей-
мой).

О страшном хозяйствичании фа-
шистов на оккупированных ими со-
ветских землях, о страданиях за-
кальванных немцами советских лю-
дей, о ненависти и мужестве этих

людей, о том, что они делают, чтобы
известия даёт режиссеру богатый
материал для создания великолепного
патриотического фильма.

Одну из центральных ролей в этом фильме роль Олейн, заму-
чанного немцами, играет артистка
СССР Н. Ульянин, роль
Федоры Кравчук — артистка Е. Тапкина,
предателя Гаплика — артист Бра-
терский, роль Пузы — артистка
И. Федотова, роль Ольги — артистка
Слава Ивашова и Кури — артист
Клеринг.

Заканчивается работа и над дву-
мя большими историческими фи-
льмами — «Давид Бек» режиссера
А. Век-Назарова и «Кутузов» режи-
сера Ю. Райкина. Странно, что и величавый образ армейского пол-
ководца XVIII века Дауда Бека создадут народный артист Армии-
ской ССР, лауреат Сталинской премии Нерессия. В центральных ролях эпизодов также артисты Аве-
тины (Фраппель), Джанисеки (Асламаз-
кули-Хан), Махмурова (Гайне). Фильм снимается на ере-
ванской киностудии.

В разгаре павловские съемки фильма «Кутузов». Уже открыта

одна из самых больших и маги-
ческих эпизодов — битва при

Петрове в содружестве с М. Еро-
зовым ведут интенсивную работу.

Актёрский состав фильма очень

сильный. Кутузов играет артист

А. Дикий, Багратиона — артист

Межицкий, Александра I — артист

Гимбатов, Елизаветы Федоровны —

артист Соловьев. Дениса Гришадо-
ва — артист Б. Чирков и русских

солдат: Федя — артист Пугачев

и Семена Жестинского — артист

Скуратов.

И, наконец, на тбилисской ки-
ностудии заканчиваются съемки фильма «Он ей верится» и грузинского киноконцерта.

Все эти работы, если судить по

литературным сценариям и по го-
товым эпизодам, отличаются

глубокой идейностью и реализмич-
ностью. Мастерство режиссеров,

художников, композиторов, опе-
раторов и актеров, участвующих

в этих работах, поражает. Но самое

главное — это то, что они думают, что в

конце этого года и в начале будущего

сентября съемки начнутся в

киностудии, соответствую-
щие уровню тех событий, которыми

были наполнены 1943 год.

(Окончание. Начало см. на стр. 4.)

Ванина мать торопилась за-
кончить дойку. Она никогда не видела экзекутированных же-
ребцов, но сердцем почувствовала, что перед ней знамениты «Сатанайла». Мать всплес-
нула руками:

— Вани, что же ты со мной
делаешь, сынок?

Сын её гордо умбнулся.

— Это же, мама, самый
смешной жеребчик. Подойди, погладь его.

Невольно подчиняясь этому
уверенному тону, мать подня-
лась со скамеечки и направи-
лась к лошади.

«Сатанайла» враждебно по-
смотрел на протянутую руку,
искривила и слегка припод-
няла на дыбы. Мать испу-
генно отскочила:

— А ты говоришь...

— Это он с неприязнью, —
встутился Вани из своего ска-
куна и предупредяще ей рас-
просы и упрёки, сказал:

— Я сейчас вернусь, только
поставлю лошадку в конюшню.

Жеребец уносил Вани по
аллеям, обсанженной старыми
осокорями, у которых лицо
активированное, а изранка
садила.

Высоко несся голова, пригни-
ваясь всем телом то вправо, то
влево, «Сатанайла» шёл вперёд.
И в ритме его танцующего
шагу чуть-чуть покачивалось
слонено, словно по отго-
ту, тепло Вани. Его плачи были
развернуты, он время от време-
ни склонял голову, чтобы посмотреть,
как перестраивает
своими высокими копы-
тами жеребец и не сапогом
ли вперёд от щенкаля пода-
лась нога.

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ РАБОТЕ

Дружеский шарж Е. Халиковой

В авторском предисловии к
 своей знаменитой Седьмой сим-
 фонии хорально исполнил 22
 дирижёра мира, Дмитрий Шос-
 таковский писал:

«...Есть такое крылатое вы-
ражение: «Когда грохотут
пушки, то погибает музыка».
Это справедливо относится к
тем пушкам, которые своим
громотом подавляют жизнь, ра-
дость, счастье, культуру. На-
шим писателям, художникам, му-
зыкантам во времена Великой оте-
чественной войны работают
много, напряжённо и плодотвор-
но, потому что их творчество
всюду сплошь покрыто
идеями нашей эпохи. И когда
громоту пушки, подавляют
свой могучий голос наши му-

зы, никогда и никому не удаст-
ся выбить пера из наших

рук».

Эти слова композитора ещё
один раз вспоминаются челове-
ком, который пишет на рубеже
нового избрания Большой сим-
фонии Шостаковича в Большом
зале Московской консер-
ватории.

Новое музыкальное проин-
вестирование, ощущение внутренней
силы, рассказывает ярость
русского народа, о великой
скорби его, о непоколебимой
решимости вести с фашистски-
ми захватчиками войну на
жизнь, а не смерть.

Это—произведение о справед-
ливой войне.

Мы, в свою очередь, рассказали Чапаину
о той работе, которую пользуются
в России его фильмами.

Чапаин взял с нас слово, что мы обязы-
тельно придём к нему.

И вот я подъезжаю к ступине Чапаина.

Маленький спартанский двор, высокий при-
ратничий, ветеран прошлой войны, привет-
ливо расхвалив перед нами двери:

Проходит покойная, русская маль-
чикша Мария Чапаина, будто минуту

назад. А мне разрешите подхватить вас

с успехами на фронте. Сегодня радио при-
несло замечательные вести: ваши войска

продолжают гасить Адольфа.

И сразу же за портами послышалася
гудок. Из маленького немецкого старомодного
«Рол-Ройса» выскоцила Чарльз Чапаин.

Он на ходу обратился ко шальто, перенес-
тавший на плечи бутылку с водкой, и с силь-
ной игрой что-то бравурное на ролике «Не

правда ли, очень смешно?»

Затем мы смотрим фильм

«Черноморцы».

Приветствуя Чудесный! повторяет всё
время Чапаин:

Когда зажигается свет, мы видим слёзы

Оно закончено. О нём уже всё
сказано композитором с эстрады.
Над чем же в дальнейшем будет
работать композитор?

Вот что рассказал о своих но-
вых работах Д. Д. Шостакович:

— Сейчас я нахожусь в состо-
нии накопления сил для новой,
завершающей прежний труд боль-
шой работы.

Это будет Девятая симфония.

Новая симфония выражает чув-
ства, мысли, настроения миллио-
нов советских людей в незабыв-
шее время наступательных дей-
ствий. Я должен создать музыкаль-
ное произведение о наших днях, о
торжестве разума над мракобеси-
ем, справедливости над варварс-
твом, насилием и злом, произведение
о величии русского народа, о на-
шей Красной Армии, освобождаю-
щей от врага родную землю.

Свой сочинение я посыпаю По-
бедой.

Кроме того я начал писать тро-
и для рояля, скрипки и виолончели
на русские народные темы, а так-
же готовлюсь к работе над музы-
кой к новому фильму режиссёра
Арнольда «Зоя Космодемьян-
ская», съёмки которого уже на-
чались. Подвигом юной героини Ве-
личайшей отечественной войны — ло-
бинами всей советской молодёжи — я глубоко взволнован, так же как и
весь постановочный коллектив. Я
приложу все усилия, чтобы помочь
донести до зрителя образ Зои во
всём её величии и душевной кра-
соте.

Любовь Чарльза Чапаина

(Окончание. Начало см. на стр. 6.)

Он увлекся нам, рассмеялся, крепко по-
жал советским кинохроникёрам руки и
сразу же начал шутить:

— Я ведь знаю много русских слов: «Гей-
да тробка, снег пушинистый, твоя губы
шепчут о любви».

Затем он представил нам свою спутницу.
Она оказалась дочерью одного крупного
предпринимателя, очень талантливая девушка. Из
ней Чапаин надеется современникам сделать
киноактрису.

Мы долго разговаривали о нашем кино,
о фронте, о Севастополе. Чапаин говорил
о том впечатлении, которое произвели на него
виденные им наяву материалы
кинохроник, снятые в районе Сталин-
града.

У немецких офицеров лица насторожи-
лись. А какое независимое, откло-
нительное выражение лиц у советских
командиров! Допрос пленных немецких
генералов—полная драматизма сцена. Она
даже ночью мне снилась.

Мы сидели в кабинете Чапаина, в
котором было всё, что можно было
закупить в Севастополе.

После показываем Чапаин совет-
ский фильм «Черноморцы».

Приветствуя Чудесный! повторяет всё
время Чапаин:

Когда зажигается свет, мы видим слёзы

в его больших и умных глазах.

Простите, пожалуйста, я очень взво-
льнялся, что такой народ победить
нельзя. Я верю, что вы верьтесь и в Сева-
стополе и во все оккупированные немцами
русские города.

Потом он вскочил со стула:

— Поехдем в ресторан.

В зале ресторана «Кориньевая шалья»
все стены были украшены дружескими
шаржами на голливудских киноактёров.

Чапаин сидел в кресле, на котором
сидел почетным местом. За ужином наше
беседу всё время прерывали люди самых

разнообразных возрастов. Взрослые, старич-
ки, дети подходили к столику и просили у
Чапаина автограф. Подпись на послед-
ней листок бумаги, Чапаин улыбнулся:

— А знаете, на маленькой бирже,
когда работают мелочисты, фотографиями ки-
ноактёров, за фотографию автографа дают
один полтинник маленькой Шарлье Тенпель.

И добавил свою любимую:

— Не правда ли, очень смешно?

А на улице Чапаина уже охаживала
полицейская толпа американцев,
собирающаяся приветствовать знаменитого
киноактёра. Он грустно попрощался с на-
ми: «До встречи в Москве». Всёчка в
«Рол-Ройсе». А на следующий день «Паси-
фик-экспресс» уехал и нас в Сан-Фран-
циско.

Народный артист СССР
профессор А. В. Александров.

НОВАЯ ПЕСНЯ

Руководитель Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР профессор А. В. Александров — широко известный в нашей стране и за рубежом композитор.

Его песни слышит вся страна. Им созданы такие замечательные произведения, как «Гимн парка большевиков», «Кантата о Сталине» и многие другие боевые, патриотические песни. А. В. Александров обратил также множество старинных песен нашей родины, дорогих сердцу каждого русского человека. Высокая музыкальная культура и глубокая любовь к народному творчеству позволили композитору бережно сохранить в этих обработках и передать всю прелест оригинал.

В дни Великой отечественной войны композитор написал ряд новых патриотических произведений, в том числе синхронную огромную популярность песню «Славная война».

С 1918 года композитор А. В. Александров неразрывно связал свою творческую с Красной Армией. Организация в 1928 году Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР и непрерывная плодотворная работа в нем — большая заслуга композитора.

Сегодня мы печатаем новую песню народного артиста СССР лауреата Сталинской премии профессора А. В. Александрова — «Песнь краснофлотца».

ПЕСНЯ КРАСНОФЛОТЦЕВ

Текст Н. Лабковского

Муз. обр. А. В. Александрова

Andante

1. Не спо-вай по роди-не, не вет-чи
ко-дат по веткам. Песни короли, склоняю-ся сло-ри, ли-чи
ки обра-гам. Не плачите же мы, ути-те сле-зи, поспи-ши
ко-нет за короли. Моряк ги-ва-лый придет сквозь грозы и не бро-

2. Не спо-вай по роди-не, не вет-чи
ко-дат по веткам. Песни короли, склоняю-ся сло-ри, ли-чи
ки обра-гам. Не плачите же мы, ути-те сле-зи, поспи-ши
ко-нет за короли. Моряк ги-ва-лый придет сквозь грозы и не бро-

Несколько разные моря,
Ветры ходят по волкам,
Песни морская, с ветрами спора,
Летят к далеким берегам.
Не плачите, юные, играйте сажью,
Пускай штормы пройдёт сквозь грозы.
Моряк бывалый пройдёт сквозь грозы
И не вердим придет домой.

Пусть в разлуке порой и тяжко —
Будут встречи веселей.
Вокруг матросы пускают флаги
За землю жён и матерей.
Когда буря вспыхнет волны
И злые ветры начнут гнуть.
Вдали от штормов боязном полным
Друзья матросов вспомнят.

Друг за друга и брат за брата
Будем мы стоять в бою,
Зашащим все, что сердце светло,—
Свой дом и родину свою.
Вскрикая, воем, бушуйте, грозы,
Пускай трепещет насыщенный враг!
За наше горе, за обновы слезы
С врагом расплатится моря...

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ В № 17

- По горизонтали: 2. Куб. 4. Ива. 6. Поверхности. 8. Капри. 10. Ипр. 7. Ил. 8. Пат. 9. Ум. 11. Тигр. 13. Утре. 15. Пло. 16. Рифма. 18. До. 20. Игра. 22. Икра. 24. Антика. 25. Фильм. 27. Граната. 14. Танкист. 26. Икра. 29. Торос. 32. Враг. 34. Стаж. 36. Ара. 37. Май. 38. Дог. 39. Оха.
- По вертикали: 1. Эму. 2. Капри. 3. Битум. 4. Или. 6. Рур. 7. Итог. 10. Мода. 12. Граната. 14. Танкист. 15. Пика. 17. Факир. 19. Овца. 21. Раб. 23. Рак. 26. Ров. 28. Риж. 30. Огуро. 31. Осада. 33. Рим. 35. Акт.

В НОМЕРЕ	
Б. КРИГЕР — У стен древней Европы.	Ш. ШКОЛСКИЙ — По ту сторону Днепра.
Ю. ЛИВЕННИКСИЙ — Дядя Ваня.	А. АЛЕКСЕЕВА, Я. ХЕЛМОСКОГО, П. ПУЗИНА, Н. ЧУКОВСКИЙ — Чехия и Россия.
В. КРИЧИНЦИЯ — Домбасец, дядя угольщик.	Д. ЕРЕМИН — Последние фильмы этого года.
Г. ЯФФЕ — Укроцентро «Сантехника».	Н. БОГДАНОВА, А. В. АЛЕКСАНДРОВА, Шахматы.
В. МИКОПА — Лондон — Нью-Йорк — Голливуд.	На странице «Беспримечательных фотографий» Г. ГАНЬБЕКО.
Н. ЧУКОВСКАЯ — Девять братьев.	

Ответственный редактор — Борис ВОЙТЕХОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24.

А3847. Подписано в печать 25/XII 1943 г. Изд. № 868. Формат 72×110 см. 2 п. л. Зн. в п. л. 98 000. Зн. 3076.

Тираж 30 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

РУССКАЯ ЗИМА

Рисунки Н. Муратова

Катание с гор.

Снег не велик, да стоять же велик.

МОСКОВСКИЙ ЧЕМПИОНАТ 1943 ГОДА

Завершился недавно полуфициальные игры шахматного чемпионата Москвы собрали рекордное число участников. В 5 группах сражалось 12 мастеров и 48 кандидатов в мастера и претендентов на звание 15 шахматистов — по тroe победителей из каждой группы. Это Михаил Лисинский и Хачатуров, занявшие I—III места в первой группе; Толуц, Жицков, Юдович — из второй группы; Авербах, Рагозин, Симагин (третья группа); Люблинский, Равинский, Папов (четвертая группа); Алатырский, Роккин, Корчмарев (пятая группа).

Главной целью турнира заслужилась в том, чтобы дать лучшим московским первокатегориянкам возможность померяться силами с мастерами. Спортивные результаты показали высокий уровень шахматного искусства наших первокатегориков. Им удалось нанести мастерам 18 поражений. Троим мастерам не сумели даже выйти в финал.

Особенно следует отметить игру молодого Адербаха. Он набрал 10 очков из 11 возможных и выиграл решительную партию за первое место у мастера Рагозина. Из мастеров блестящего результата достиг В. Алатырский: 10% очков из 11 возможных.

Можно с радостью констатировать, что в лице Авербаха, Люблинского, Корчмаря, Хачатурова, Жицкова, Симагина и других московских первокатегориков растет

талантливая плэяда будущих мастеров.

Приводим партию из полуфинала Равинский—Папов. Эта партия, за которую оба мастера получили приз за красоту — яркий пример прекрасного стиля советских мастеров. Она отличается богатой фантазией, изяществом, инициативой, неуклонным стремлением к победе.

ПАРТИЯ № 1

Белые: Г. РАВИНСКИЙ.
Черные: В. ПАПОВ

Сицилианская партия.

1. e2—e4 c7—c5
2. Kg1—f3 d7—d6
3. d2—d4 c5×d4
4. Kf3×d4 Kg8—e6
5. Kb1—c3 Kb8—c6
7. f3—f4 g7—g6
8. O—O a7—a6
9. Cc1—c3 La8—a7
10. Fd1—e2 b7—b6
11. a2—a3 Ke6—e5
12. La1—d1 Ke5—c4

Черные мобилизовались сильно ферзевом фланге по известным рецептам и выиграли даже пешку. Но то же время они отстали в развитии своего королевского фланга. Из дальнейшего хода партии это видно очень убедительно.

13. Se3—c1 Kc4×a3
Сложнее 13... Ce7.

14. e4—c5 d6×e5
15. Kd4—c6 Fd8×c7
16. Ke6×c5 Ka3—c4
17. Ke5×d7 Kf6×d7
18. Ke3—d5 Fc7—e7
19. Kd5—f4 Ke4—e5

партия угрозу 20. Kc6×e7. Теперь следует для чёрных ряд однаждынственных. Один удар блести-

Положение после 19... Ke4—e5
20. Ld1—x d1?

Далеко рассчитывая жертву качества и последующую жертву фигуры по характеру напоминают партии гениального американца Морфи.

20. ... Ke5×d7

21. Kf4×e6! f7—e6

22. Fe2×e6+ Cf6—e7

23. Lf1—e1 Fa7—c5

На первый взгляд кажется, что чёрным удалось найти достаточно защиту. Этот ход предотвращает об угрозы белых 24. F×e7, а также Сe5. Но у Равинского был более дальний прицел.

24. b2—b4!

С тем, чтобы на 24... F×b4 продолжить 25. Cf5 с неограниченной атакой.

24. ... Kd7—f8

25. Fb6—g4 Fc5—c3

Кроме этого прошего надо защищаться от угрозы 26. F×g7.

26. Le1—e7!!

Новая блестящая жертва. Чёрные попадают в матовую сеть.

26. ... Kd7—f6

27. Cf1—g3+ Kf7—d6

28. Fg4—d1+ Kd6—c5

29. Cf6—f4+ Kc5—b6

30. Fd1—d6+ Kb6—a7

31. Fd6—e7+ Lc8—c7
32. Cf4—c7 . . .

Очень жаль, что в разгаре боя белые не дают прямой мат сложившемуся положению 30... Fd6+ 33. Fd8+ Le7 34. Fb6 мат! Это упущенное — маленькая падашка на подлинном шахматном искусстве.

32. ... Fd3—a1+

33. Cf2—f1 Kf8—g6

34. Fd3—c5+ Kf7—h7

35. Cf7—a5+ Kf7—h8

Или 35... Le7 36. Fb6+ Kf8

37. Fh6+ Kb8 37. Cf7+ с повторой черными ферзя.

36. Fc5—b6+ Чёрные ходили.

ЭТЮД № 1

И. Я. Мазель

Белые: Kpd4, Fd8, Cg8, na2(4).
Черные: Kpg5, Cd1, nnb2, Tb7, h7(5).

Белые начинают и выигрывают.

Автор этюда, известный советский мастер лейтенант И. Я. Мазель, с начала Отечественной войны находился в рядах Красной Армии. Он вышел победителем в шахматном чемпионате Москвы, состоявшемся в октябре—ноябре 1941 года.

ЦЕНА 1 РУБ.

На черноморских берегах

Фото-этюд Л. Бернштейн.